

RU

Роль послелогов в конструировании членимых предложений в современном эрзянском языке

Водясова Л. П.

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении роли послелога в конструировании членимых предложений на материале одного из мордовских языков – эрзянского. В статье представлено семантико-синтаксическое значение этой служебной части речи, выражающей различные отношения между словами. Оформляя словоформу, она развивает, дополняет или усиливает лексико-грамматическое значение слова, становясь вместе с ним членом предложения. Научная новизна исследования состоит в том, что в нём впервые в мордовском языкознании подробно описана роль послелога, осуществляющего синтаксическую связь членов предложения и дифференцирующего значения словоформ в составе словосочетаний и предложений. В результате выявлено, что послелог оказывает влияние на дифференциацию семантики членов предложения; указано, что слова данной служебной части речи по своему происхождению и морфологическому составу делятся на собственно послелог и послеложные слова; определено, что послеложные конструкции (адвербиальные и субстантивные), сохраняющие лексико-семантические значения тех слов, от которых они образуются, в большой степени характеризуются синкретизмом; отмечено, что значения падежно-послеложных форм определяются в составе предложения.

EN

The role of postpositions in the construction of divisible sentences in the modern Erzya language

Vodyasova L. P.

Abstract. The aim of the study is to identify the role of the postposition in the construction of divisible sentences based on the material of one of the Mordovian languages, Erzya. The paper presents the semantic and syntactic meaning of this auxiliary part of speech expressing various relationships between words. By forming a word form, it develops, complements or enhances the lexico-grammatical meaning of the word, becoming a member of the sentence along with it. The study is novel in that it is the first in Mordovian linguistics to describe in detail the role of the postposition, which syntactically connects sentence members and differentiates the meanings of word forms in phrases and sentences. As a result, it is revealed that the postposition influences the differentiation of the semantics of sentence members; it is indicated that the words of this auxiliary part of speech are divided into postpositions and postpositional words according to their origin and morphological composition; it is found that the postpositional constructions (adverbial and nominal) preserving the lexico-semantic meanings of the words from which they are formed are largely characterised by syncretism; it is noted that the meanings of case-postpositional forms are determined in the sentence.

Введение

В мордовском языкознании при описании членов предложения служебным частям речи уделяется мало внимания, тогда как изучение их роли позволяет вскрыть сложный механизм образования синтаксической единицы, её строевую и смысловую значимость.

Синтаксическая роль служебных частей речи определяет их широкое применение во всех стилях и жанрах речи. Они занимают первые места, деля их с местоимениями, основными функциями которых также являются указательность, замещаемость, усилительность (Водясова, 2014, с. 51-62; Водясова, Иванова, 2022). Совершенно права Л. Н. Засорина (1963, с. 98), утверждающая, что практически половина любого текста заполняется служебными словами.

Среди всех служебных частей речи в эрзянском языке наиболее определённым является семантико-синтаксическое значение послелогов, осуществляющих синтаксическую связь членов предложения и дифференцирующих значения словоформ. Они, сочетаясь с именем существительным или заменяющими его

словами (личными местоимениями, субстантивированными словами), выражают синтаксическую зависимость от других слов в предложении или словосочетании, передают различные отношения между управляемым именем и другими словами в предложении.

Известно, что послелого являются средством выражения синтаксических отношений, однако сами по себе не выступают в качестве самостоятельного члена предложения. Функцию члена предложения выполняет послеложная конструкция (послеложное сочетание), иными словами, послелог в сочетании с именем существительным или заменяющим его словом.

В мордовском языкознании до настоящего времени нет специальных работ, посвящённых изучению синтаксической роли послелога. Можно встретить лишь отдельные высказывания в связи с представлением их грамматических значений. Более подробные сведения мы можем почерпнуть из диссертации Л. Н. Серовой (2006), в которой рассматриваются синтаксические особенности послелога на материале мокша-мордовского и финского языков. Таким образом, актуальность темы нашего исследования определяется недостаточной разработанностью послелога, являющегося основным средством выражения семантико-синтаксических связей имени существительного (или заменяющего его слова) в предложении, что приводит к необходимости комплексного описания его специфики в аспекте современного синтаксиса.

Для достижения цели исследования нами предполагается решить следующие задачи: 1) раскрыть влияние послелога на дифференциацию семантики членов предложения; 2) представить подразделение послелогов по происхождению и морфологическому составу; 3) выявить, что послелого (отнаречные (адвербиальные) и отымённые (субстантивные)), сохраняющие лексико-семантические значения тех слов, от которых они образуются, в большой степени характеризуются синкретизмом; 4) доказать, что значения падежно-послеложных форм наиболее полно определяются в составе предложения.

В качестве основного метода определён описательный. Он применяется для исследования послелогов и их роли в конструировании членимых предложений в современном эрзянском языке. Материалом для анализа являются конструкции с послелогами, извлечённые из второй книги трилогии народного писателя Мордовии А. Д. Куторкина «Лажныця Сура» (Куторкин А. Д. Лажныця Сура (= Бурливая Сура): в 3-х кн. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1976. Омбоце книга. Кавто киява (= Кн. 2. Двамя дорогами)).

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных лингвистов, обращавшихся к различным аспектам изучения рассматриваемой служебной части речи.

В мордовском языкознании история изучения послелогов как особых языковых средств выражения грамматических значений начинается с появления «Мордовской грамматики» П. Орнатова (1838). Морфологической структуры мордовских (эрзянских) послеложных словосочетаний частично касается А. А. Шахматов (1910) в «Кратком очерке морфологии». Первой же наиболее подробной работой является статья А. К. Имярекова (1948) «О послелогах в мордовских языках», в которой автор представляет историю их возникновения и развития. В работе «Система частей речи в мордовских языках» к словам этой части речи обращается Р. А. Заводова, которая указывает, что послелого, «выступая только в роли выразителей синтаксической связи между членами предложения, в предложении самостоятельной роли не играют...» (1955, с. 155).

Говоря о послелогах, нельзя не отметить, что это часть речи сформировалась в основном за счёт других лексико-грамматических разрядов, что во многом обусловило неоднородность её структуры. По своему происхождению и морфологическому составу послелого делятся на собственно послелого и послеложные слова. Собственно послелого утратили генетическую связь с корнями производящих слов. Они, как подчёркивает Л. Хакулинен, «представляют собой падежные формы бывших существительных. Современный послелог первоначально был главным словом, а современное главное слово – его определением в генитиве» (1955, с. 173). Точка зрения Л. Хакулиненна находит поддержку в работах П. С. Кудяева (1969; 1980), К. Е. Майтинской (1982), О. К. Ямашкиной (2005), Л. Н. Серовой (2006). Послеложные конструкции до настоящего времени в какой-то мере сохраняют лексико-семантические значения тех слов, от которых они образуются. Они часто прономинализируются. Подобное явление происходит тогда, когда поясняемое слово – местоимение – в речи опускается, а послелог присоединяет к себе лично-притяжательный суффикс, который придаёт ему статус самостоятельного слова и, по существу, выводит его из сферы служебных частей речи, что позволяет активно использовать прономинализированные послелого в качестве средств межфразовой связи в тексте (Водясова, 2013; 2014, с. 67-75; 2022). В какой-то мере права Н. В. Иванова, относя послеложные конструкции к «послеложным местоимениям», указывая, что те «появились от послелогов в результате утраты последними местоимения» (2022, с. 143), с которым они соотносились, их неотъемлемой частью являются суффиксы посессивности 1-го, 2-го или 3-го лица единственного или множественного числа.

Практическая значимость нашей работы заключается в создании предпосылок для дальнейшего изучения послелога в системе частей речи и, главное, его синтаксической роли в конструировании членимых предложений в современном эрзянском языке. Предложенный материал может быть полезен для учёных-лингвистов, а также студентов и аспирантов, обучающихся по филологическим профилям. Его рекомендуется включать в курсы, предполагающие изучение грамматики, а также использовать при выполнении научно-исследовательских работ.

Обсуждение и результаты

В эрзянском языке послелог функционально соотносится с падежной формой, являющейся средством синтаксической связи, поэтому он нередко определяется как служебное слово, вводящее в словосочетание

или предложение падеж имени существительного (или заменяющего его слова), вместе с которым образует падежно-послеложную конструкцию. Однако, как указывает П. С. Кудяев, послелого чаще «конкретизируют такие отношения, содержание которых не охвачено системой падежных показателей» (1980, с. 379): *кудосо* «в доме» – *кудонть ваксо* «рядом с домом», *кудонть икеле* «перед домом», *кудонть удало* «за домом» и пр. В ряде случаев, когда именная часть речи используется с морфемой указательности или притяжательности, послелог замещает показатель падежа: *кудосо* «в доме» – *кудонть эйсэ* «в доме (этом/том)», *кудонк эйсэ* «в доме (вашем)».

Имена существительные (или заменяющие их слова) при послелогах в большинстве случаев употребляются в форме генитива основного (*Арсек, эйденъ ава, сень лангаяк...* (Куторкин, 1976, с. 195) / «Подумай, женщина с детьми, и о том...» (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – Л. В.)), указательного (*Рамко жо стяся вальмало чочконть лангсто...* (Куторкин, 1976, с. 210) / «Рамко (Роман) же встал с бревна под окном...») или притяжательного (*Тон якитъ истя весе кружоконк туртов эрявиця промкс кудонь муеме...* (Куторкин, 1976, с. 211) / «Ты так ходил искать для всего [вашего] кружка подходящий дом для собраний...») склонений. Реже используется форма номинатива: *...пейксе ведра марто ютась тейтеръ-ава* (Куторкин, 1976, с. 195). / «...с полным ведром прошла девушка». Некоторые послелого управляют формой аблатива: *Борьконъ авардеманть кияк эзизе путо мезекскак: сондензэ башкаяк, сямордицят-ниреждицят ламольть* (Куторкин, 1976, с. 111). / «Плач Борько (Бориса) никто ни во что не поставил: и без него страдающих-хнычущих [было] много». Для усиления смысла предложения, придания ему большей выразительности, убедительности используются послелого, осложнённые постпозитивной усилительной частицей *-як/-гак/-как* «и», «даже»: *Кудазорось цисланзо кисэяк эзь сие...* (Куторкин, 1976, с. 204) / «Хозяин даже ради приличия не выпил...»; *Паряк, тетят кондят алятне кармавтсызь [шканть] роботамо минек лангскак* (Куторкин, 1976, с. 289). / «Может, похожие на твоего отца мужики заставят [время] работать и на нас»; *...ней ошонь томбалевагак лишмесэ сон [ямщикесь] а лисни* (Куторкин, 1976, с. 300). / «...теперь даже за город на лошади он [ямщик] не выезжает».

Послелого, оформляя словоформу, развивают, дополняют, усиливают лексико-грамматическое значение слова, при этом вводя его не только в состав словосочетания, но и в предложения. Особенно наглядна их роль в предложениях в тех случаях, когда падежно-послеложное сочетание выступает как детерминант и может быть отнесено к разным членам предложения. Так, в предложении: *Валскень зоря ланга чувоттне прясто корёнс алойть, мeryят, инзей ведьсэ валозь...* (Куторкин, 1976, с. 14) / «На утренней заре деревья с верхушек и до корней алые, словно малиновой водой политы...» – словоформа *зоря ланга* «на заре» может входить как в состав словосочетания с главным словом именем существительным (*зоря ланга чувоттне* «деревья на утренней заре»), так и в состав словосочетания с главным словом вербализованным именем прилагательным, в предложении выполняющим функцию сказуемого (*зоря ланга алойть* «на заре алые»). Перед нами явный синкретизм послеложных конструкций.

Особенно значима роль синкретичных по своей семантике послеложных конструкций, сохраняющих в какой-то мере лексико-семантические значения тех слов, от которых они образуются. Это прежде всего адвербиальные и субстантивные послелого. В них прозрачно выделяется корень, который может употребляться в качестве самостоятельного слова. Эти группы послелогов появились в результате потребности в более точном выражении синкретических значений и, соответственно, входят в зону синкретизма в системе послелогов и мотивирующих их частей речи. Самыми частотными среди них являются адвербиальные послелого, сохраняющие семантику наречий: *ало* «под», *алдо* «из-под», *алов* «под», *алга* «под», *башка* «кроме», «за исключением», «наряду с», *икелев* «кпереди», «к», «на», «за», «до», «иногда», *икельга* «перед», *кувалмос* «вдоль», «по», *куникасо* «посередине», «в», «на», *куникасто* «посередь», *куникас* «посреди», *куникава* «посреди», *лангсо* «на», «при», «над», «о», «из-за», «за», «в», *лангсто* «с», «со», «над», *лангс* «на», «в», «за», «до», «при», «от», «над», «к», *потмова* «по», «в», «при», *удало* «за», «позади», «сквозь», «через», *удалдо* «за», «из-за», *удалов* «за», «позади», *удалга* «по-за» и др. Большинство из них образуют с наречиями пары функциональных омонимов: *Уля... пульзьясь пазаваттень икелев ды кармасть, озномсто, кортамо...* (Куторкин, 1976, с. 14) / «Уля склонилась перед иконами и начала, молясь, говорить...» // – *Ютак икелев, Елисей Донатыч, – отвечась тензэ Плато* (Куторкин, 1976, с. 17). / «– Проходи вперёд, Елисей Донатыч, – ответил ему Плато (Платон)»; *Лоткась авась кенкиенть удалов мештезэнзэ а кельгиця седеэнзэ оймавтомо* (Куторкин, 1976, с. 13). / «Остановилась женщина за дверью в груди не помещающееся сердце успокоить» // *Ялатеке [Уля] сеедьстэ вариттень удалов...* (Куторкин, 1976, с. 8) / «Всё равно [Уля] часто оглядывалась назад...». Наиболее частотна пара функциональных омонимов, состоящая из послелого *мейле* «после», «через», «за» и наречия *мейле* «потом», «затем». Послелог *мейле*, разумеется, образовался из наречия *мейле*, с которым сохраняет теснейшую семантическую связь. Его основное значение временное, поэтому он обычно входит в состав обстоятельства времени: *Рамконъ мельс ледсь, кода сонзэ раяновмадонзо мейле... чумокс эсь пранзо ловсь Оверька...* (Куторкин, 1976, с. 9) / «Рамко (Роман) вспомнил, кода после его ранения... виноватым себя почувствовал Оверька (Аверьян)». Наречие *мейле* также имеет временное значение, соответственно, в предложении выполняет функцию обстоятельства времени: *Мейле сонсь Исай видькстась Мазуриннэнь...* (Куторкин, 1976, с. 9) / «Потом сам Исай признался Мазурину...». Переход наречия *мейле* «потом», «затем» в послелог *мейле* «после», «через», «за» обусловлен потребностью в указании на время. Наречие нуждается в контексте, содержащем указание на предмет, по отношению к которому определяется временной фактор, а в падежно-послеложном сочетании время конкретизируется именем существительным.

Отметим, что адвербиальные послелого дифференцируют синтаксические функции имён существительных. Ср.: *Барьяканъ мазый ды вельть крута крыльцянть лангс... лиссь кудонь азоравась Уля* (Куторкин, 1976, с. 5). / «На красивое и очень крутое крыльцо Барякиных... вышла хозяйка дома Уля» (наречный послелог *лангс* «на»

подчёркивает обстоятельственное (пространственное) значение имени существительного *крыльцянтъ* «крыльца» (генитив)); *Таго стьясь [Уля] пильге лангс* (Куторкин, 1976, с. 6). / «Снова встала [Уля] на ноги» (наречный послелог *лангс* «на» характеризует имя существительное *пильге* «нога», образуя вместе с ним обстоятельство образа действия); ...[Палагань] *чама тюсонзо лангс тон эзть варштаяк?* (Куторкин, 1976, с. 214) / «...на цвет лица [Палаги (Пелагеи)] ты и не посмотрел?» (наречный послелог *лангс* «на» подчёркивает объектное значение имени существительного *тюсонзо* «цвет (его/её)»).

Послелого, образованные от имён существительных (субстантивные послелого), также сохраняют их некоторые свойства. Так, послелого *велькссэ* «над», *велькстэ* «букв.: из-над», *вельксс* «над», *вельксса* «по-над», *келес* «по», «на», «в/во», *ютксо* «между», «среди», «посреди», «в/во», «из», *ютксто* «между», «среди», «в/во», *юткс* «в», «к», «между», «среди», «посреди», *юткова* «промеж», «между», «среди», «в», *экишэ* «за», *экиштэ* «из-за», «за», *экис* «за», *экика* «по-за» указывают на пространство: ...*те покитояк покш стаданть вельксс появасть вете самолётт* (Куторкин, 1976, с. 263). / «...над этим огромным (букв.: больше большего) стадом появилось пять самолётов»; ...*ансяк вете нармунть ливтнить сонзэ [паксянтъ] вельксса* (Куторкин, 1976, с. 263). / «...только пять птиц летают над ним [полем]»; *Рамко... чавизе кавто кудо ютксо... кенкиентъ...* (Куторкин, 1976, с. 32) / «Рамко (Роман)... забил между двумя домами... дверь...»; ...*столь экишэ... ванность позаня сельмесэнзэ Наво атя...* (Куторкин, 1976, с. 179) / «...за столом... смотрел мутными глазами старик Наво (Афанасий)...»; ...*мерсь, мизолдозь, бутто пель экиштэ варштавица чись, учительницаанть авазо* (Куторкин, 1976, с. 16). / «...сказала, улыбаясь, словно выглянувшее из-за туч солнце, учительнице [её] мать». Послелог *пингстэ* «в», «при», «во время», «на» обозначает временные отношения: *Эсензэ [Катянь] пингстэ пелинь видькстамодояк теде: каштангады* (Куторкин, 1976, с. 107). / «При самой [Кате] побоялась и признаться в этом: возгордится». Послелого *кедьсэ* «у», *кедьстэ* «у» выражают отношения обладания: ...*обедэнтъ анокстастъ Чувьрькань кедьсэ* (Куторкин, 1976, с. 54). / «...обед готовили у Чувьрькаевых»; ...*маво бабань кедьстэ веить... салмукс* (Куторкин, 1976, с. 54). / «...у бабы Мавы попроси... иголку».

Ряд адвербиальных послелогов в своей основе связаны с именами существительными, с которыми составляют функциональные синонимы. Это объясняется тем, что в послелого в основном переходили отыменные наречия, которые образовались из форм косвенных падежей имён: *ашти кудонтъ вакссо* «стоять около дома» – *вакссо* мезеязь эзь неяво «около ничего не было видно» – *онкстастъ вакссо* «измеряли пядями» (в первом случае словоформа *вакссо* является послелогом, во втором – наречием места, в третьем – это имя существительное в форме инессива основного склонения (от *вакс* «пядь»)). В следующих примерах: *молемс виреть потмова* «идти сквозь лес», *ютасть потмова* «прошли внутри (вглуби)», *потмова ёвтнеса* «про себя (букв.: во внутренностях) расскажу» – словоформа *потмова* в первом случае представляет собой послелог, во втором – наречие места, в третьем – имя существительное в форме пролатива основного склонения (от *потмо* «нутро»). Напротив, некоторые субстантивные послелого сохраняют связь с наречиями: *велентъ велькссэ* (послелог) *уйть пельть* «над селом плывут облака» – *велькссэ* (наречие) *нурьги лампа* «сверху висит лампа» – *пачалгсетненъ ваднизъ велькссэ* «блины смазали сметаной» (имя существительное в форме инессива основного склонения (от *велькс* – многозначное слово, «здесь: сметана»)) и др. Однозначно следует признать, что имеющаяся при функционировании наречных и субстантивных послелогов переходность создаёт трудности при определении границ словоформ и отграничении их от словосочетаний.

Известно, что послелог вместе с тем словом, к которому он относится, является членом предложения. Включая его в состав члена предложения, мы тем самым усиливаем самостоятельность значения падежно-послеложной словоформы, рассматривая её вне связи с другими словоформами. Так, например, словоформы *вирентъ вакссо* «около леса», *вирентъ ваксс* «к лесу», *вирентъ эйтэ* «от леса», обозначая пространство, тем не менее имеют разную семантику: *вирентъ вакссо* «около леса» – место действия, *вирентъ ваксс* «к лесу» – направление движения к месту, *вирентъ эйтэ* «от леса» – обратное направление от места. В конкретном предложении при сочетании со словами, обозначающими предметы, эти словоформы, сохраняя пространственные значения, могут приобретать и атрибутивные значения: *Вирентъ вакссо велесь ульнесь пек кезэрень.* / «Село около леса было очень старинным» (*велесь* (кодамо?) *вирентъ вакссо* «село (какое?) около леса»); *Вирентъ эйтэ кись ульнесь теине ды пек тапазь.* / «Дорога от леса была узкой и очень разбитой» (*кись* (кодамо?) *вирентъ эйтэ* «дорога (какая?) от леса»).

По свидетельству П. С. Кудалева, «пространственное, а затем и временное значение послелогов было той базой, на которой появились их новые, более абстрактные значения – целевые, причинные, комитативные и др.» (1980, с. 379). С его точкой зрения согласны О. К. Ямашкина (2005), Л. Н. Серова (2006), а Н. М. Мосина и А. С. Мигунова (2015) уверены, что для послелого главным является именно пространственное (локативное) значение, и аргументируют это на материале родственных эрзянского и финского языков. Послелого, выражающие пространственные и временные значения, характеризуются их совмещением. Как утверждают Л. В. Самосудова и О. Е. Тукаева, это характерно не только для послелогов, но и предлогов. Они убедительно доказывают это на материале английского, немецкого и эрзянского языков (Samosudova, Tukaeva, 2015). О том, что в предложении послелог достаточно часто совмещает пространственные и временные значения, говорят и примеры из рассматриваемого нами произведения: *Экишензэ пачк стараяк седе курокке пачкодемс* (Куторкин, 1976, с. 297). / «По прохладе старайся побыстрее добраться» (послелог *пачк* «по» в этом предложении обозначает перемещение сквозь что-либо и конкретизирует время совершения действия); *Пеишксе ковонтъ лисемадонзо икеле тустодояк тусто чоподастонть марявьс ансяк, кода попонтъ кисказо кальдерди цепсэнзэ ды хрупаить пинемедэ ярсамсто лишметне* (Куторкин, 1976, с. 299). / «Перед выходом полной луны в крошечной

(букв.: темнее тёмного) тьме слышалось только, как звенит цепью собака попа и хрупают овсом лошади» (послелог *икеле* «перед» указывает на предшествование одного события другому и передаёт местонахождение объекта, расположенное перед чем-либо); *Нужань Плато теишь вальмалост лисьманть лангс тёсонь латыне* (Куторкин, 1976, с. 65). / «Нужаев Плато (Платон) делал над колодцем под [их] окнами тесовый навес» (послелог *лангс* «над» передаёт значения направления действия на поверхность предмета и момента времени).

Ряд послелогов выступают как маркеры определённых значений. Так, например, послелог *кис/кисэ* «за», «из-за», «ради» более обычен в составе обстоятельство цели, послелог *эйстэ* «из-за», «от» – в составе обстоятельство причины, послелоги *вельде* «посредством», «по», «за», «с», *кувалмос* «вдоль», «по», *койсэ* «по», *пачк* «сквозь», «через», «между»; «на», «в», «по», «с», «со», «из-за», «во время» характерны для обстоятельство меры и степени и образа действия. Сравнительные отношения передают послелоги *кондямо* «наподобие», *ладсо* «наподобие», *коряс* «по сравнению», *эйшка* «с величиной». Выделительные и включающие отношения свойственны послелогу *башка* «кроме». На предмет мысли указывает послелог *кувалма* «о/об», «про», замещение – *таркас* «вместо», комитативность – *марто* «с». Однако при однозначных послелогах лексическое значение имён существительных не влияет на квалификацию членов предложения. Один и тот же послелог может иметь разные значения. Так, послелог *кувалт* «по», «по поводу», «ради», «вдоль» может представлять такие значения, как пространственные (*молемс леенть кувалт* «идти вдоль реки»), целевые (*веишемс эйкакишонь кувалт* «искать ради ребёнка»), причинные (*виздемс берянь тонавтнеманть кувалт* «стесняться из-за плохой учёбы»), для послелога *ланга* «по», «на», «над», «о», «в», «через», кроме основных пространственных (*ёртнезь кияксонть ланга* «разбросано по полу»), характерны значения, указывающие на предмет мысли, речи (*ёвтнемс эйкакишонть ланга* «рассказывать о ребёнке»). Синкретизм позволяет в составе предложения одно и то же падежно-послеложное сочетание квалифицировать по-разному. Например, в составе предложения: *Савсь тензэ [Трошанень] васня кокстамс, илязо лисе те талноманть пачка аволь ванькстэ или казямосто вайгелезэ, мейле пшкадемс кемгавтовошка иеде седе сыре Даньконень...* (Куторкин, 1976, с. 30) / «Пришлось ему [Троше] вначале кашлянуть, [чтобы] не получился (букв.: вышел) из-за волнения нечистым или жёстким голос, потом обратиться к старшему лет на двенадцать пожилому Данько» – словоформа *талноманть пачка* «из-за волнения» может квалифицироваться как обстоятельство причины: *илязо лисе* (мекс?) «не получился бы (почему?)», обстоятельство образа действия: *илязо лисе* (когда?) «не получился бы (как?)» и обстоятельство времени: *илязо лисе* (зядо?) «не получился бы (когда?)». Исходя из этого, значения падежно-послеложных форм определяются только в составе предложения, причем эти значения далеко не всегда являются автономными. Чаще всего они выявляются в сочетании с субстантивами (имя существительное, личное местоимение или субстантивированная часть речи), а наиболее определённо – в предложении. Для полного же представления синтаксических функций падежно-послеложных форм необходимо учесть все послелоги и отразить их сочетания практически со всеми субстантивами.

Говоря о послелоге в эрзянском языке, нельзя не остановиться и на вербализации этой части речи. Суть этого транспозиционного явления состоит в том, что неглагольные слова, присоединяя к себе предикативные (сказуемостные) суффиксы единственного или множественного числа настоящего или прошедшего времени, выступают в функции сказуемого. Вербализуются только послелоги с пространственным значением. Присоединяемые предикативные (сказуемостные) суффиксы не выводят послелог из сферы служебных частей речи, но способствуют оформлению послеложной конструкции в качестве простого неглагольного (именного) сказуемого: *Видеть валот: мон яла пильге лангсо* (Куторкин, 1976, с. 344). / «Правильны [твои] слова: я всё на ногах»; *Вальмало чочко лангсолъ Мазылькань Лебо...* (Куторкин, 1976, с. 369) / «Под окном на брёвнах (был) Мазылькаев Лебо (Глеб)».

Таким образом, послелоги, сочетаясь с именем существительным или заменяющими его словами (личными местоимениями, субстантивированными словами), осуществляют синтаксическую связь членов предложения и дифференцирующая значения словоформ, передавая различные отношения между управляемым именем и другими словами в предложении.

Заключение

Проведённое исследование позволило нам прийти к следующим выводам:

1. Послелог – это служебная часть речи, осуществляющая синтаксическую связь членов предложения и дифференцирующая значения словоформ. Сочетаясь с именем существительным или заменяющими его словами (личное местоимение, субстантивированная часть речи), он выражает синтаксическую зависимость от других слов в предложении или словосочетании, передавая различные отношения между управляемым именем и другими словами в предложении.

2. Послелог, оформляя словоформу, дополняет лексико-грамматическое значение слова, к которому относится, тем самым оказывая влияние на дифференциацию семантики членов предложения.

3. Послелоги по своему происхождению и морфологическому составу делятся на собственно послелоги и послеложные слова. Первые утратили генетическую связь с корнями производящих слов, вторые до настоящего времени сохраняют лексико-семантические значения наречий и субстантивов, от которых они образуются.

4. Отнаречные (адвербиальные) и отымённые (субстантивные) послелоги в большей степени характеризуются синкретизмом.

5. Полный перечень выражаемых послелогом значений может быть определён только в составе предложения. Однако эти значения далеко не всегда являются автономными, так как для полного представления синтаксических функций необходимо учесть все послелоги и отразить их сочетания практически со всеми субстантивами.

В целом же наши наблюдения над синтаксической ролью послелогов позволяют показать их влияние на дифференциацию семантики членов предложения, объяснить трудности синтаксического разбора предложений. Сложность и неоднозначность определения границ члена предложения обусловлена явлениями переходности, которая объясняется тем, что многие послелоги до сих пор сохраняют связь с теми словами, от которых образованы.

Перспективы исследования данной проблемы мы видим в *создании предпосылок для дальнейшего изучения послелога в составе предложения*, расширении контекстов с собственно послелогами и послеложными конструкциями, позволяющих более широко представить роль этой служебной части речи в конструировании членимого предложения.

Источники | References

1. Водясова Л. П. Способы реализации текстовой категории связности текста в прозе народного писателя Мордовии К. Г. Абрамова: монография. Саранск, 2014.
2. Водясова Л. П. Способы соединения компонентов сложного синтаксического целого в современном эрзянском языке // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2013. № 2.
3. Водясова Л. П. Средства межфразовой связи в русском и мордовских языках // Гуманитарные науки и образование. 2022. Т. 13. № 2 (50).
4. Водясова Л. П., Иванова Г. С. Неактуализированные и актуализированные члены предложения в современном эрзянском языке // Вестник угроведения. 2022. Т. 12. № 4.
5. Заводова Р. А. Система частей речи в мордовских языках // Материалы научной сессии по вопросам мордовского языкознания. Саранск: Мордовское книжное издательство, 1955.
6. Засорина Л. Н. О статистике и автоматизации в лексикографии // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 1963. № 4.
7. Иванова Н. В. Послеложные местоимения в мокшанских переходных говорах рузаевского ареала // Гуманитарные науки и образование. 2022. Т. 13. № 1 (49).
8. Имяреков А. К. О послелогах в мордовских языках // Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Саранск, 1948. Вып. 10.
9. Кудаев П. С. Категория послелога в мордовских языках: автореф. дисс. ... к. филол. н. Тарту, 1969.
10. Кудаев П. С. Послелог // Грамматика мордовских языков / под ред. Д. В. Цыганкина. Саранск: Мордовский государственный университет, 1980.
11. Майтинская К. Е. Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука, 1982.
12. Мосина Н. М., Мигунова А. С. Послелог как средство выражения категории локативности в эрзянском и финском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11-3 (53).
13. Орнатов П. Мордовская грамматика, составленная на наречии мордвы-мокши Тамбовской семинарии профессором, магистром Павлом Орнатовым. М., 1838.
14. Серова Л. Н. Морфологическая и синтаксическая структура послеложных конструкций в мокшанском и финском языках: автореф. дисс. ... к. филол. н. Саранск, 2006.
15. Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. М., 1955.
16. Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1910.
17. Ямашкина О. К. Функциональная значимость послеложных конструкций в мокшанском языке: дисс. ... к. филол. н. Саранск, 2005.
18. Samosudova L. V., Tukaeva O. E. Prepositions and postpositions combining the meaning of space and time (on the materials of English, German and Erzya) // The Humanities and Education. 2015. Vol. 1 (21).

Финансирование | Funding

RU

Публикация подготовлена в рамках гранта на проведение научно-исследовательских работ по приоритетным направлениям научной деятельности вузов-партнеров по сетевому взаимодействию (Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы и Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева) по теме «Функционально-семантический подход в изучении грамматики в школьном и вузовском курсах родного и русского языков».

EN

The study was carried out as a part of a grant to conduct research on priority areas of scientific activity of partner universities in networking (Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla and Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev) on the topic “Functional-semantic approach to the study of grammar in the school and university courses of the native and Russian languages”.

Информация об авторах | Author information

RU

Водясова Любовь Петровна¹, д. филол. н., проф.

¹ Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева, г. Саранск

EN

Vodyasova Lyubov Petrovna¹, Dr

¹ Mordovian State Pedagogical University, Saransk

¹ lvodjasova@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.07.2023; опубликовано online (published online): 06.09.2023.

Ключевые слова (keywords): служебная часть речи; послелог; падежно-послеложная конструкция; семантико-синтаксическое значение; auxiliary part of speech; postposition; case-postpositional construction; semantic and syntactic meaning.